2024. Том 16. Выпуск 3

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-179-186
https://elibrary.ru/btivrd

EDN BTIVRD

Имплицитный автор в древнеанглийских поэмах «школы Кэдмона» и «школы Кюневульфа»

Яценко Мария Вадимовна
д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
193232, Россия, г. Санкт-Петербург, просп. Большевиков, 22, корп. 1. maria.yatsenko1@yandex.ru

профессор кафедры сопоставительного изучения языков и культур
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

SPIN-код: 9871-2512
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6714-7128
ResearcherID: 186122

Статья поступила в редакцию 07.12.2023
Одобрена после рецензирования 02.02.2024
Принята к публикации 05.02.2024

Информация для цитирования
Яценко М. В. Имплицитный автор в древнеанглийских поэмах «школы Кэдмона» и «школы Кюневульфа» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 179–186. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-179-186

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения авторского присутствия в древнеанглийской поэтической словесности. Автор статьи сравнивает основные случаи использования повествования от лица авторского «я» в древнеанглийских поэмах, приписываемых Кэдмону или «школе Кэдмона» («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана»), а также Кюневульфу или «школе Кюневульфа» («Елена», «Судьбы апостолов», «Юлиана» и др.). Поскольку границы между данными «школами» определены недостаточно четко, в статье предпринимается попытка сравнительного анализа входящих в каждую группу произведений. Автор статьи существенно дополняет имеющиеся сравнения данных поэм на содержательном уровне, проводя последовательный анализ эпизодов, где повествование ведется от первого лица. Изучение данных фрагментов показывает использование в поэмах Кэдмона традиционной для героического эпоса ссылки на авторитет традиции устного сказительства (формула «как я слышал») и письменных источников (формула «как книжники сказали», «как я из книг узнал»). В результате анализа делается вывод о том, что в поэмах кэдмоновского цикла нельзя говорить о четко сформированной фигуре нарратора. В них не выражена определенная точка зрения, повествователь часто самоустраняется, передавая рассказ в уста героев. Коллективное «мы» в эпилоге поэмы «Исход» рассматривается как наиболее яркий в поэмах Кэдмона риторический пример непосредственного обращения к аудитории. В поэмах, приписываемых Кюневульфу, эпилоги представляют собой повествование от лица авторского «я» и посвящены переживаниям и размышлениям. В них более проявлено авторское присутствие (имплицитный автор), которое в статье предлагается рассматривать как один из маркеров «школы Кюневульфа».

Ключевые слова: «школа Кэдмона»; «школа Кюневульфа»; древнеанглийский христианский эпос; Кодекс Юниуса; имплицитный автор.

© Яценко М. В., 2024

Автор и авторское присутствие в средневековом творчестве, особенно в эпических текстах, исследованы недостаточно широко. Наиболее логичный взгляд на проблему разработан в теории неосознанного авторства М. И. Стеблин-Каменского. Останавливаясь на проблеме самоосмысления автора и его отношения к создаваемому произведению, исследователь отмечает, что может существовать авторская активность, которая не осознается автором как его собственная[1]. Создатель дошедшего до нас текста саги или эпоса воспринимал себя лишь как переписчик, воспроизводящий имеющуюся традицию. Эта теория, разработанная на древнеисландском материале, не затрагивает автора биографического, а также имплицитное присутствие автора в художественном тексте[2]. Древнеанглийский материал, напротив, практически не описывает самоосмысление автора, но дает возможность проследить принципы создания образов авторов-поэтов. При это третий аспект авторства: проявление имплицитного автора, авторского присутствия и использование повествования от первого лица – остается малоизученным. Именно он и будет рассмотрен в данной работе на материале текстов христианского эпоса.

Большая часть сохранившихся в рукописном наследии произведений древнеанглийской поэзии представляет собой переложения библейских или агиографических сюжетов. С точки зрения стилистических средств эта традиция кажется достаточно гомогенной, поскольку во всех произведениях используются одни и те же формульные выражения и приемы построения текста. Попытки выделения отдельных групп текстов в корпусе библейских переложений нельзя назвать достаточно обоснованными. Они связаны главным образом с фигурами двух поэтов: Кэдмона и Кюневульфа.

Зарождение древнеанглийской поэзии на библейские темы связано с именем полулегендарного поэта Кэдмона, который во сне получил дар слагать стихи во славу христианского Бога. Относительная датировка этого события – не позднее 680 г. Рассказ о нем содержится в главе 24 главы IV книги «Церковной истории народа англов» Беды Досточтимого. Представленный историком рассказ выглядит как легендарный или полулегендарный: Кэдмон получает дар стихосложения во сне чудесным образом, причем его стихи во славу христианского Бога признаются советом ученых мужей богодухновенными. А сам Кэдмон остался в монастыре и, как сообщает Беда, излагал в форме прекрасных стихов события Священной истории Ветхого и Нового Заветов. Древнеанглийский перевод латинского текста Беды (выполненный в 871–879 гг.) добавляет, что ученые мужи записывали за Кэдмоном его сочинения. Ознакомившись с рассказом о Кэдмоне, антиквар Фр. Юниус в 1655 г. издал под заглавием «Парафразы монаха Кэдмона» четыре произведения («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана»), которые сохранились в рукописи, известной теперь как Кодекс Юниуса (Codex Junius XI), другое название – Кодекс Кэдмона. Предположение Фр. Юниуса об авторстве Кэдмона нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку ничто в рукописи, кроме ее тематики, не дает оснований прямо соотносить ее с именем Кэдмона. Подробные исследования рассказа Беды заставили ученых сомневаться в реальности существования главного персонажа. Позже уточнение датировки Кодекса Юниуса (конец X в.) и соотнесение ее с предполагаемым временем жизни Кэдмона (середина – конец VII в.) опровергли возможность такой атрибуции. Отвергая непосредственное авторство Кэдмона, ученые предполагают наличие так называемой «школы Кэдмона», то есть ряда поэтов – последователей Кэдмона, которые в устной или письменной форме могли воспроизводить сочинения Кэдмона, дополняя и редактируя их (обычная для традиции неосознанного авторства практика).

Другая группа древнеанглийских поэм на христианские темы, содержащая переложения житийной литературы и Нового Завета, известна под авторством Кюневульфа. О людях с таким именем сохранились лишь весьма отрывочные сведения. Однако в текстах самих поэм «Христос», «Юлиана», «Судьбы апостолов», «Елена» содержатся своеобразные подписи: в последних строках некоторые буквы заменены на рунические знаки, которые при прочтении вместе образуют собой имя Кюневульф (в форме Cynwulf или Cynewulf).

Исследователи древнеанглийской поэзии, признавая невозможность точного установления авторства, как правило, говорят о наличии двух своеобразных поэтических традиций – «школы Кэдмона» и «школы Кюневульфа» [Wrenn 1967]. Различия между ними находят в меньшей степени «учености» поэм Кэдмона. Действительно, поэмы Кодекса Юниуса по большей части повествовательные. Они не разъясняют серьезных богословских понятий, в отличие от поэм Кюневульфа, излагающих, например, спор о законе и благодати и ряд других догматических аспектов. По словам Н. Ю. Гвоздецкой: «Слово кэдмоновского типа обращено к “оглашенным”, слово Кюневульфа – к “верным”» [Гвоздецкая 2013: 29]. Однако подробный анализ поэм Кэдмона показывает, что их автор или авторы были знакомы не только с самым общим содержанием, но

и с целым рядом толкований излагаемых в них библейских событий. Таким образом, не только степень «учености» авторов можно назвать отличительной чертой двух «школ». Мы постараемся показать различия между ними на материале анализа повествования от первого лица, которое так или иначе отражает присутствие имплицитного автора в произведениях, соотносимых с этими двумя «школами».

Вслед за Аристотелем большинство исследователей определяют эпос как род литературы, где преобладает повествование от третьего лица, в отличие от лирики и драмы. Рассказчик эпоса, как кажется, встает на позицию максимальной объективности[3]. При более подробном рассмотрении оказывается, что для повествования в эпосе характерно «не просто сочетание, а именно *взаимоосвещение авторского и чужого слова с помощью сочетания внешней и внутренней языковых точек зрения*» (выделение в цитате авторское. – *М. Я.*) [Тамарченко 2003: 227]. Однако понятия чужого слова и точки зрения в эпосе как жанре требует ряда уточнений.

В германской эпической традиции широко использовалась прямая речь персонажей, которая могла преобладать над речью авторской (в особенности это относится к песням «Старшей Эдды»). Проблема статуса речевых эпизодов в германском эпосе поднимается на древнесаксонском и отчасти на древнеанглийском материале[4]. Исследования последнего осложнены тем фактом, что прямая речь персонажей практически не использовалась для их личностной характеристики [Klaeber 1950: LV], в отличие от эпики более позднего времени. Достаточно подробно изучены речевые эпизоды в «Беовульфе», в качестве материала для сравнения с которыми привлекались некоторые тексты христианского эпоса. Мы предлагаем последовательно рассмотреть высказывания от первого лица в поэмах Кодекса Кэдмона («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана»), а также сопоставить их с поэмами Кюневульфа («Елена», «Юлиана» и др.).

В древнеанглийском эпосе авторское «я» было весьма условным и стандартным и возникало в формулах с общим значением «мне сообщили», «я услышал»[5], появление которых было обусловлено необходимостью подтвердить истинность изложенного события через сообщение о том, что сказитель сам о нем слышал [Гвоздецкая 2000: 194]. В «Беовульфе» использование «я» повествователя часто возникает при рассказе о неких удивительных предметах (описание корабля (Beo 38[6]), ожерелья (Beo 1196, 1197) и др.) и событиях. Подобного рода употребление встречается и в речи персонажа, например, когда Беовульф рассказывает о своих подвигах (Beo 575 и др.). В «Беовульфе» речь героев и авторская речь не противопоставлялись [там же].

Поэмы Кодекса Юниуса при всем сходстве их тематики структурно являются весьма неоднородными. Наименее выражено авторское «я» в поэме «Христос и Сатана». В ней выделяют три смысловые части, которые рассматривались исследователями как отдельные произведения. Первая часть (Ch&S 1–364[7]) повествует о страдании падших ангелов в аду, вторая (Ch&S 365–662) – о Сошествии Христа в ад и третья (Ch&S 663–729) – об искушении Христа в пустыне. Все три части содержат в себе ряд речевых эпизодов, которые имеют разных адресатов. В этой поэме лишь дважды использована формула *þa get ic furðor gefregen* – «как я затем узнал» (Ch&S 225 и Ch&S 526) для подтверждения истинности повествования. Поскольку сведения о пребывании падших ангелов в аду, Сошествии Христа в ад до Воскресения не подтверждаются ссылкой на авторитет, Р. Финнеган даже предположил, что рассказчиком в заключительной поэме Кодекса Юниуса является Сам Христос [Finnegan 1994]. Н. Д. Исаакс назвал именно цитирование речей основным конструктивным элементом поэмы, отмечая, однако, несовершенство поэта в использовании этого приема [Isaacs 1968: 128]. На наш взгляд, здесь имеет место лишь максимальная объективация повествования, свойственная эпосу, при этом значительная часть рассказа как бы передана главным героям и развертывается в их речах, за счет чего повествование значительно драматизируется. Авторская точка зрения минимизирована, а персонажи становятся полноценными рассказчиками.

В поэме «Даниил» также присутствует большое количество диалогов и монологов. От первого лица в данной поэме высказываются чаще всего царь Навуходоносор и пророк Даниил. Поэма содержит весьма драматичные диалоги между царем и прорицателями, царем и Даниилом. Помимо этого, прямая речь вавилонских отроков представлена двумя песнопениями. Песнь Азарии построена от лица всего народа, Песнь трех отроков обращена к силам природы, ее заключительная часть являет собой повествование от лица всех трех отроков. Песнопения, таким образом, исполняются от лица коллективного «мы».

«Я» сказителя в «Данииле» употребляется в контекстах, схожих с поэмой «Беовульф», для подтверждения истинности описываемых событий. Автор либо узнает о событиях из жизни израильского народа: *Þa ic… gefrægn* – «то/ тогда я узнал» (Dan 458[8]) и аналогичные высказывания (Dan 57, 738), – либо говорит, что сам их видел (Dan 22). При этом конструкция *ic gefrægn* – «я узнал/услышал» оказывается тесно связанной

с основным предложением. В нее могут вставляться не только обстоятельства времени и места, но и глаголы, а в одном случае – и наречие: *Đam wæs on gaste/ godes cræft micel,// to þam ic georne gefrægn/ gyfum ceapian// burhge weardas/ þæt he him bocstafas// arædde and arehte,/ hwæt seo run bude* – «У него была в душе/ Господа сила великая,// о том узнал я с радостью (*вар.* – охотно),/ что дары сулили// градохранители/ за то, чтобы он им письмена// изъяснил и рассказал,/ что та тайна значила» (Dan 737–740). Этот же фрагмент может иметь и другой перевод: «о том я узнал, что с охотой/ дары сулили// градохранители…» (Dan 738–739). В силу относительной свободы расположения членов предложения в поэтической речи, наречие может относиться как к действиям героев рассказа, так и к рассказчику, к его радости по поводу того, что пророк обладал благодатью Святого Духа и отказался от предложенных ему даров. Данный эпизод можно рассматривать как пример расширения традиционной формулы, где использование своеобразного авторского «я», возможно, содержит оценку рассказчиком моральных смыслов происходящих событий.

Поэма «Бытие» отличается от всех поэм Кодекса в плане использования авторского «я». Здесь герои высказываются от первого лица чаще, а в авторском повествовании используется только местоимение «мы». Авторские ремарки преимущественно указывают на авторитет письменных источников. Это формулы со значением «как нам книги говорят»: *þe us secgað bec* (Gen 227, 1723[9]), *Us cyðað bec* (Gen 969), *þæs þe bec cweðaþ* (Gen 1239), *Us gewritu secgeað,// godcunde bec* (Gen 2612–1213). Все они призваны подтвердить истинность слов сказителя, которые касаются чудесных явлений или ряда фактов биографии героев Библии. Функция их остается аналогичной функции подобных формул в «Беовульфе» (подтверждение авторитета источника), однако они указывают на письменный, а не на устный источник. Едва ли можно говорить, что со сменой источника меняется положение сказителя. Отчасти такие «интертекстуальные маркеры» в первой поэме Кодекса соотносимы с историей поэта Кэдмона, который изучал Священную историю со слов книжников. Возможно, столь частое упоминание книжников именно в первой поэме Кодекса могло не только относиться к этому тексту, но и указывать на письменный источник всей рукописи в целом.

В поэме «Исход» использование традиционной формулы с авторским «я» повествователя минимально. В эпизоде, где описываются облачный и огненный столпы, ведущие израильскую армию по пустыне, рассказчик говорит и том, что он сам об этом узнал (Ex 98). Здесь для большей достоверности автор использует и обстоятельство времени, как бы подтверждая собственное участие в описываемых событиях. Аналогичная формула появляется в «Беовульфе» (строка «Исхода» совпадает со строкой «Беовульфа»: *þa ic on morgne gefrægn* – «как я на утро узнал» или «я узнал, что наутро...» (Beo 2484, Ex 98)). С похожей конструкцией (только в пассивной форме *mine gefræge* – «мне сообщили» (Ex 368)) встречаемся в строках о Ноевом ковчеге. Как и в «Беовульфе», использование своеобразных авторских ремарок в «Исходе» привлекает внимание и подтверждает истинность событий, которые описываются с чьих-то слов.

Повествование в «Исходе» строится как максимально объективное, рассказчик как бы самоустраняется и только описывает события, не подвергая их какой бы то ни было оценке. При этом речь персонажей также сведена к минимуму[10] и представлена только речами Моисея и речью ангела, обращенной к Аврааму (речь ангела не содержит местоимений первого лица). Это позволяет особым образом выделить речи Моисея (за счет наличия авторского «я»).

В речах Моисея авторское «я» служит, с одной стороны, привлечению внимания и необходимо для актуального воздействия на слушателей: *Eow is lar Godes// abroden of breostum./ Ic on beteran ræd,// þæt ge gewurðien/ wuldres Aldor,// –* «Вот вам Божий завет,// принесенный из сердца./ Я [вам] больше совет [дам],// чтоб вы почитали/ Властителя славы…» (Ex 268–270[11]); *Hwæt, ge nu eagum/ on lociað,// folca leofost,/ færwundra sum,// hu ic sylfa sloh/ and þeos swiðre hand// grene tacne/ garsecges deop!* – «Истинно! Вы сейчас очами/ [своими] узрите,// народ возлюбленный,/ чудо невиданное,// то, как я сам ударил/ и эта десница могучая// зелёным жезлом/ морскую бездну!» (Ex 278–281); *Ic wat soð gere// þæt eow mihtig God/ miltse gecyðde// eorlas ærglade!* – «Я ведаю истину верно,// что вам Могучий Господь/ милость оказал,// эрлы долгоудачливые» (Ex 291–293). С другой стороны, подобно эпическому сказителю, Моисей воспринимается как авторитет, посвященный в тайны мироздания (*þa ic ær ne gefrægn// ofer middangeard/ men geferan,// fage feldas* – «не слышал я прежде// во граде срединном,/ чтоб люди ступали// по сияющим долам,//» (Ex 285–287)).

Дважды местоимение «я» (*ic*) соседствует с обозначением времени *ær* («прежде», «раньше» (Ex 285)) или его производным: *ærglæde* – «долгоудачливые» (Ex 293). Эти отсылки к прошлому можно рассматривать как своеобразное указание на авторитет слов пророка. Их наличие отчасти соотносится с некоторыми речами героев

«Старшей Эдды», излагающими сюжеты мифологического прошлого. Так, в «Прорицании вёльвы» пророчица вспоминает то, что было при сотворении мира, но одновременно видит и будущее – его конец. В «Речах Вафтруднира» мифологическое прошлое излагается в форме диалога между Одином и Вафтрудниром, в котором также повествуется о прошлом и будущем мира. Использование в речах Моисея конструкций с повествованием от первого лица предполагало, что пророк Моисей мог восприниматься как носитель знаний об историческом прошлом. И хотя в поэме он и не излагает историю сотворения мира, речи укрепляют его авторитет в глазах аудитории и обладают перформативным воздействием.

В нарративной структуре поэмы «Исход» существенным является использование авторского «мы» (Ex 1, 572–573), которое может быть воспринято как обращение к аудитории в целом. В зачине оно служит привлечению внимания (*HWÆT, WE FEOR AND NEAH/ gefrigen hab[b]að* «Истинно! Далеко ли близко ли/ мы слышали о…» (Ex 1)), что уподобляет его традиционному эпическому зачину. В конце поэмы это обращение становится еще и призывом послушать рассказы ученых мужей: *þæt we gesne ne syn/ Godes þeodscipes,// Metodes miltsa./ He us ma onlyhð,// nu us boceras/ beteran secgað// lengran lifwynna./* – «что мы лишенными не будем/ Бога власти,// Господа благодатей./ Он нам больше подарит,// теперь нам ученые мужи/ [об этом] лучше расскажут// о более долгих радостях жизни/» (Ex 571–574). При этом авторское «мы» соотносится одновременно не только с израильтянами, но и с автором и его аудиторией, что позволяет воспринимать данный момент как обращение ко всему человечеству в целом. Заключительные строки поэмы «Исход» представляют собой своеобразный эпилог – размышление христианина о конце света. Эпилог этот предполагает продолжение в виде проповеди (так как есть указание на книжников, которые должны лучше рассказать об этом).

Схожие размышления о человеческой участи есть в произведениях древнеанглийской поэзии разных форм и жанров: в кратком песнопении «Предсмертная песнь Беды», поэмах «Морестранник» и «Скиталец», которые принято называть элегиями, а также в «Беовульфе» и развернутых эпических поэмах, приписываемых Кюневульфу. Во всех этих текстах разная субъектная организация. Так, «Предсмертная песнь Беды» сообщает о любом человеке, который собирается предстать перед Божьим судом. В элегиях «Скиталец» и «Морестранник» размышления о человеке вообще перемежаются с повествованием от первого лица.

Наибольший интерес представляют поэмы «Елена» и «Юлиана», содержащие «подпись» Кюневульфа в конце лирических эпилогов. В этих тестах помимо развернутых эпических нарративов содержатся важные «драматические» эпизоды, представляющие собой диалоги, в которых раскрываются важные аспекты догматики (царица Елена разговаривает с книжниками, Иуда и Юлиана – с дьяволом). Такая насыщенность диалогами предполагает передачу нити повествования его героям, что, как мы уже отмечали, свойственно германскому эпосу («Старшая Эдда»). В древнеанглийской поэзии этот прием приобретает иное значение. Передача повествования героям присутствует в поэмах Кэдмона («Бытие» и «Христос и Сатана»), однако диалоги там по большей части – необходимая часть сюжета. Диалоги же в поэмах «Елена» и «Юлиана» излагают догматический материал и в определенном смысле «перевешивают» повествовательную часть.

В структуре повествования в поэмах Кюневульфа помимо святых, интересующихся сотворением мира, жизнью ангелов и демонов, законом и благодатью, преимущественно проявлена авторская фигура. Здесь автор не скромный повествователь, «я» которого лишь изредка проскальзывает из-за описываемых им событий (как в поэмах Кэдмона), но вполне самостоятельная фигура. Н. Ю. Гвоздецкая пишет, что в «Елене» «я» повествователя обладает уже более или менее выраженными индивидуальными чертами и вписано в конкретную обстановку [Гвоздецкая 2017: 102]. Эта поэма содержит наиболее развернутый эпилог, изложенный от лица авторского «я». Он начинается так: «Стал я стар и устал, / смертный час мой настал, // в хоромине тесной / тку узор словесный, // ночи коротаю, / мысли сплетаю» (Ele 1236–1238) [Кюневульф 2015: 160]. Далее эпилог разворачивается в пространное размышление, включающее описание природы и эмоционального состояния, которое содержит не столько сочувствие об ушедшем земном прошлом, сколько ожидание небесного будущего [Гвоздецкая 2017: 102]. Подкрепляется эта мысль и просьбой молиться за поэта, имя которого вплетено в строки эпилога рунами.

Таким образом, разделение между поэмами «школы Кэдмона» и «школы Кюневульфа» можно провести не только в содержательном, но и в структурном плане. Авторская позиция повествователя в поэмах Кэдмона выражена непоследовательно: он то сказитель, которому давно известно начало и конец описываемой истории, то участник происходящих событий. Связь с книжной традицией подтверждается отсылками на авторитет книг и книжников, которые появляют-

ся в поэмах «Бытие» и «Исход». Традиции восприятия Слова Божия в христианстве и слова сказителя в эпосе предполагали тесную связь рассказчика с аудиторией. Это особенно наглядно проявлено в использовании авторского «мы» (финал поэмы «Исход», парафраза Песни трех отроков в «Данииле»). Внимание к судьбе народа в целом и авторская позиция в Кодексе Юниуса не предполагала еще индивидуальной оценки событий автором. В поэмах Кюневульфа, напротив, возникают не только ярко выраженные фигуры персонажей, но и самостоятельная фигура рассказчика, который осмеливается включить в эпический текст развернутое повествование от первого лица, лирическое по своей природе.

Примечания

[1] Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, «в эддической поэзии, как и в эпической поэзии вообще, а также и в прозе, не было условий для относительной самостоятельности формы и для осознания формального мастерства» [Стеблин-Каменский 1979: 96].

[2] Мы ориентируемся на теоретические представления об авторе, изложенные В. В. Прозоровым, который выделяет три основных аспекта авторства: автор биографический, автор-творец и автор во внутритекстовом воплощении [Прозоров 2004: 68].

[3] Говоря словами Г. Д. Гачева: «Эпос может (а потому ему всегда даже приходится) рядиться в позицию беспристрастного объективного наблюдателя, а не субъективного судьи» [Гачев 1968: 98].

[4] Обзор этих работ приводится в монографии [Louviot 2016].

[5] Текстовые примеры данной формулы в древнеанглийских памятниках сравниваются в работе [Parks 1987: 63–66].

[6] Здесь и далее текст поэмы «Беовульф» цитируется по изданию [Beowulf 1950] с указанием номера строки с сокращением Beo. Перевод на русский язык автора статьи.

[7] Здесь и далее текст поэмы «Христос и Сатана» цитируется по изданию (Christ & Satan 1925) с указанием номера строки с сокращением Ch&S. Перевод на русский язык автора статьи.

[8] Здесь и далее текст поэмы «Даниил» цитируется по изданию [Daniel & Azarias 1974] с указанием номера строки с сокращением Dan. Перевод на русский язык автора статьи.

[9] Здесь и далее текст поэмы «Бытие» цитируется по изданию [Genesis 1931] с указанием номера строки с сокращением Gen. Перевод на русский язык автора статьи.

[10] По подсчетам исследователей, прямая речь занимает в данной поэме 10 % от всего объема текста. Это наименьший процент по сравнению с остальными древнеанглийскими поэмами [Louviot 2016: 3].

[11] Здесь и далее текст поэмы «Исход» цитируется по изданию [Exodus 1953] с указанием номера строки с сокращением Ex. Перевод на русский язык автора статьи.

Список литературы

Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). М.: Просвещение, 1968. 302 с.

Гвоздецкая Н. Ю. Лирический эпилог к древнеанглийской поэме «Елена»: проблема жанра // Лирическая эволюция: к 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича) / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т филологии и истории. М.: РГГУ, 2017. С. 98–109.

Гвоздецкая Н. Ю. Поэтическое творчество и поэтический язык Древней Англии // Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа / Н. Ю. Гвоздецкая, Е. А. Полякова, А. В. Вишневский, Е. Н. Пастухова, Е. А. Шилова. К 65-летию доктора филологических наук Н. Ю. Гвоздецкой. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2013. С. 8–39.

Гвоздецкая Н. Ю. Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова (опыт текстоцентрического анализа): дис. … д-ра филол. наук. Иваново, 2000. 392 с.

Кюневульф. Поэма «Елена». Фрагмент: главы 11–15 (пер. с древнеагл. и коммент. Н. Ю. Гвоздецкой, Е. Н. Клеминой) // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвящ. проблемам исторической антропологии. Вып. 7. Иваново, 2015. С. 149–162.

Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение: учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Филология» / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 68–81.

Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов / изд. подг. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1979. С. 77–130.

Тамарченко Н. Д. Эпика // Теория литературы. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 219–244.

Beowulf & the Fight at Finnsburg. Ed. with Intr., Bibl., Notes, Glos. and App. by Klaeber F. Boston: Heath & Co., 1950. 412 p.

Christ and Satan. An Old English Poem. Ed. with Intr., Notes and Glos. By Clubb M. D. Connecticut: Yale University Press, 1925. 196 p.

Daniel and Azarias. Ed. with Intr., Notes and Glos. by Farrell R. T. London: Methuen, 1974. 139 p.

Exodus: Old English Exodus. Ed. with Intr., Notes and Glos. by Irving E. B. Jr. New Haven: Yale University Press, 1953. 134 p.

Finnegan R. E. Christ as Narrator in the Old English *Christ and Satan* // English Studies. 1994. Vol. 75, № 1. P. 2–16.

Genesis // Anglo-Saxon Poetic Records. A collective Edition. Vol. I. The Junius Manuscript / ed. by G. P. Krapp. London, New York, 1931. P. 1–87.

Isaacs N. D. Structural Principles in Old English Poetry. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 1968. 197 p.

Klaeber F. Introduction// *Beowulf & the Fight at Finnsburg.* Ed. with Intr., Bibl., Notes, Glos. and App. by F. Klaeber. Boston: Heath & Co., 1950. 412 p.

Louviot E. Direct Speech in *Beowulf* and Other Old English Narrative Poems. Anglo-Saxon Studies. Cambridge: Brewer, 2016. 286 p.

Parks W. The traditional Narrator and the "I heard" Formulas of Old English Poetry // Anglo-Saxon England. 1987. Vol. 16. Dec. P. 45–66.

Wrenn C. L. Caedmon and the Christian Revolution in Poetry // Wrenn C.L. A Study of Old English Literature. London: Harrap, 1967. P. 92–106.

References

Gachev G. D. *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form* (Epos. Lirika. Teatr). [The Meaning of Artistic Forms (Epos. Lyrics. Theatre)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 302 p. (In Russ.)

Gvozdetskaya N. Yu. Liricheskiy epilog k drevneangliyskoy poeme 'Elena': problema zhanra [Lyrical epilogue to the old English poem 'Elene': The genre problem]. *Liricheskaya evolyutsiya: k 70-letiyu Darvina (Mikhaila Nikolaevicha).* [The Evolution of Lyrics: On the Occasion of the 70th Birthday of Darvin (Mikhail Nikolaevich)]. Russian State University for the Humanities, Institute of Philology and History. Department of Theoretical and Historical Poetics. Moscow, 2017, pp. 98–109. (In Russ.)

Gvozdetskaya N. Yu. Poeticheskoe tvorchestvo i poeticheskiy yazyk Drevney Anglii [Poetic writing and poetic language of the old England]. *Mir i chelovek v drevneangliyskom poeticheskom yazyke i tekste: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza. K 65-letiyu doktora filologicheskikh nauk N. Yu. Gvozdetskoy* [The World and the Man in Old English Poetic Language and Text: Experience of Linguocultural Analysis. On the Occasion of the 65th Birthday of Doctor of Philological Sciences N. Yu. Gvozdetskaya]. N. Yu. Gvozdetskaya, E. A. Polyakova, A. V. Vishnevskiy, E. N. Pastukhova, E. A. Shilova. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2013, pp. 8–39. (In Russ.)

Gvozdetskaya N. Yu. *Problemy semanticheskogo opisaniya drevneangliyskogo poeticheskogo slova (opyt tekstotsentricheskogo analiza).* Diss. dokt. filol. nauk [The problems of semantic description of the old English poetic word (an attempt at textocentric analysis). Dr. philol. sci. diss.]. Ivanovo, 2000. 392 p. (In Russ.)

Cynewulf. Poema 'Elena'. Fragment: glavy 11–15 ['Elene'. Passage: Chapters 11–15]. Translated from Old English with Comments by N. Yu. Gvozdetskaya and E. N. Klemina. *Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya: nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy problemam istoricheskoy antropologii* [Cursor Mundi. The Man of Antiquity, Middle Ages and Renaissance: Scientific Almanac on the Problems of Historical Anthropology]. Ivanovo, 2015, issue 7, pp. 149–162. (In Russ.)

Prozorov V. V. Avtor [Author]. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction into Literary Studies]: a textbook for higher educational institutions for Philology specialty. Ed. by L. V. Chernets. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, pp. 68–81. (In Russ.)

Steblin-Kamenskiy M. I. Skal'dicheskaya poeziya [Scaldic poetry]. *Poeziya skal'dov* [The Poetry of Scalds]. Ed. by S. V. Petrov, M. I. Steblin-Kamenskiy. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 77–130. (In Russ.)

Tamarchenko N. D. Epika [Epics]. *Teoriya literatury. T.III. Rody i zhanry (osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii)* [Theory of Literature. Vol. III. Types and Genres (Basic Issues in Historical Description)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 219–244. (In Russ.)

'Beowulf' & 'The Fight at Finnsburg'. Ed. with intr., bibl., notes, glos. and app. by F. Klaeber. Boston, Heath & Co., 1950. 412 p. (In Eng.)

'Christ and Satan'. An Old English Poem. Ed. with intr., notes and glos. by M. D. Clubb. Connecticut, Yale University Press, 1925. 196 p. (In Eng.)

'Daniel' and 'Azarias'. Ed. with intr., notes and glos. by R. T. Farrell. London, Methuen, 1974. 139 p. (In Eng.)

'Exodus'. Old English Exodus. Ed. with intr., notes and glos. by E. B. Jr. Irving. New Haven, Yale University Press, 1953. 134 p. (In Eng.)

Finnegan R. E. Christ as narrator in the old English 'Christ and Satan'. *English Studies,* 1994, vol. 75, issue 1, pp. 2–16. (In Eng.)

'Genesis'. *Anglo-Saxon Poetic Records. A collective edition. Vol. I. The Junius Manuscript.* Ed. by G. P. Krapp. London, New York, 1931, pp. 1–87. (In Eng.)

Isaacs N. D. *Structural Principles in Old English Poetry*. Knoxville, TN, University of Tennessee Press, 1968. 197 p. (In Eng.)

Klaeber F. Introduction. *'Beowulf' & 'The Fight at Finnsburg'.* Ed. with intr., bibl., notes, glos. and app. by F. Klaeber. Boston, Heath & Co., 1950. 412 p. (In Eng.)

Louviot E. *Direct Speech in 'Beowulf' and Other Old English Narrative Poems. Anglo-Saxon Studies.* Cambridge, Brewer, 2016. 286 p. (In Eng.)

Parks W. The traditional narrator and the 'I heard' formulas of old English poetry. *Anglo-Saxon England*, 1987, vol. 16, Dec., pp. 45–66. (In Eng.)

Wrenn C. L. Caedmon and the Christian Revolution in poetry. Wrenn C. L. *A Study of Old English Literature*. London, Harrap, 1967, pp. 92–106. (In Eng.)

The Implied Author in the Old English Poems of the 'School of Caedmon' and the 'School of Cynewulf'

Maria V. Yatsenko
Professor in the Department of Foreign Languages
Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications
22/1, prospekt Bolshevikov, Saint Petersburg 193232, Russian Federation. maria.yatsenko1@yandex.ru

Professor in the Department of Comparative Studies in Languages and Cultures
St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

SPIN-code: 9871-2512
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6714-7128
ResearcherID: 186122

Submitted 07 Dec 2023
Revised 02 Feb 2024
Accepted 05 Feb 2024

For citation
Yatsenko M. V. Implitsitnyy avtor v drevneangliyskikh poemakh «shkoly Kedmona» i «shkoly Kyunevul'fa» [The Implied Author in the Old English Poems of the 'School of Caedmon' and the 'School of Cynewulf']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 179–186. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-179-186 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the problem of identifying the author's self-manifestation in Old English poetry. The problem of author and authorship is relevant for medieval literature and for Old English epic as well. The author of the article compares the main cases of the use of first-person narration in Old English poems attributed to Caedmon or the so-called 'school of Caedmon' (*Genesis, Exodus, Daniel, Christ and Satan*) and Cynewulf or the so-called 'school of Cynewulf' (*Elene, The Fates of the Apostles, Juliana*, etc.). As the borders between these 'schools' have not yet been distinctly determined, the article attempts at comparing the poems of both groups. The author of the article sheds fresh light on the widely used comparison of the contents of these poems with a detailed analysis of the episodes with first-person narration. The study of these passages shows the use of traditional oral epic reference to the authority of an oral singer (the 'I heard' formula) and that of the written sources ('as the books say' formula) in the poems attributed to Caedmon. It is concluded that the so-called Caedmonian poems (poems of the 'school of Caedmon') do not possess the fully articulated figure of the narrator. Their implied author does not exactly express his own point of view or present his personality, but mainly gives the narrative thread to the characters. The use of the collective 'we' in the epilogue of the poem *Exodus* is viewed as a rhetorical device of a direct appeal to the audience that is highly characteristic of the Caedmonian poems. The epilogues of the poems attributed to Cynewulf (or the 'school of Cynewulf') mainly contain first-person reflections and contemplations. The article proposes that the pronounced presence of the author (i.e., an implied author) in them should be viewed as a marker of the 'school of Cynewulf'.

Key words: 'school of Caedmon'; 'school of Cynewulf'; Old English Christian epic; Junius Manuscript; implied author.